

А. В. КАРТАШЕВ

Истоки соглашательства (Письмо из Парижа)

Из парижского подполья уже вылезали несколько номерков жалких, макулатурных, по большевистской грамоте напечатанных «Известий»¹. Но до открытого подголоска большевиков на русском языке мы здесь еще не дошли и, даст Бог, не дойдем. Франция слишком заряжена ненавистью к бошам, чтобы допустить это духовно-немецкое явление. Однако, после катастрофы русского юга эмигрантская среда, разлагаясь от потрясения, постепенно выделяет из себя гнилостные элементы соглашательства. То, что стыдно было сказать вслух еще месяц тому назад, сейчас начинает без зазрения совести высказываться в закрытых и публичных русских собраниях.

Ликвидаторский курс, взятый бывшими членами бывшего Учредительного Собрания, расчистил дорогу соглашательской проповеди. В самом деле, если не нужна и даже вредна интервенция и вооруженная борьба, то, значит, остается один медленный эволюционный процесс в самой Совдепии. И, следовательно, остается только помышлять о возврате, в той или иной форме, на вымирающую и завшивевшую родину и своим жертвенным вливанием в её агонизирующий организм, по крайней мере, пассивно помогать его инстинктивному сопротивлению грядущей смерти, а затем, может быть, и кое какому активному сбережению и наращиванию новых клеточек жизни. Это — минимум. А затем, конечно, неудержимая человеческая фантазия рисует розовые надежды на полное преобразование коммунистического рая в здравый национально-государственный организм и ныне правящих Россией коммунистов, путем взаимного истребления одной их группы другою, — в нормальных организаторов нормального, собственнического социально-правового строя, хотя бы и с фиговыми прикрытиями из большевистской словесности.

Соглашатели, таким образом, суть только логические продолжатели известных политических лидеров, отказавшихся, на радость всей морально — расслабленной Антанте, от реальной борьбы с большевиками. У трезвого на уме — у пьяного на языке. Раздели короля старшие, а младшие только пробалтываются, что он голый. Если хотите, есть даже известная заслуга искренности в этой наивности за молодыми кадетскими элементами, устами Устрялова в Харбине печатно, а его единомышленниками в Париже устно провозгласившими программу, так сказать, национал большевизма. Пусть скорее покинут наш стан все не выдерживающие борьбы, все к ней морально неспособные. В основе человеческого поведения лежат не выкладки разума, а стремления воли, управляемой чувством. Если ваше нравственное чувство не может примириться с данным злом, все хитросплетение лукавого рассудка останутся бессильными. В этом, а не в кажущейся политической мудрости, разгадка по меньшей мере интересного превращения многих антибольшевиков в соглашателей. Я сбрасываю со счетов, во-первых, соглашателей из социалистов. Это естественно и понятно. «Меньшевик большевика любит издалека», — гласит ходячая острота. Давно вскрыто и то, что смысл формулы «ни Ленин ни Колчак» расшифровывается: «лучше Ленин»². Сродство душ. Сродство в предпочтении партийной программы спасению России во что бы то ни стало. Сбрасываю со счетов и обывательскую массу эмиграции. Ведь наша эмиграция не отборная, не героическая. От обывателя нельзя требовать героизма. Естественно, что в минуту нашей слабости он тянется к покорности большевистскому Року. Пока мы — борцы не будем иметь вновь реальной силы, от массы мы не дождемся тяготения к себе. Нельзя и требовать. Не разбираю и третьей категории соглашателей из стана бессильно-озлобленных реакционеров. Они злорадно ждут своего торжества путем «чем хуже — тем лучше», предпочитая и при случае прямо поддерживая большевиков.

Но откуда получается интересующая нас группа соглашателей из стана подлинных культурных антибольшевиков? Как раз из тех, которым больше всего к лицу интеллигентный аристократизм, буржуазная изнеженность духа? Это превращение, с известной степенью искренности, легко случается с одной стороны с действительными статскими советскими кабинетной науки и государственной службы, а с другой — с их заместителями по биографическому стилю из молодого поколения. Эти люди и при всех картинах старого режима, казавшихся «последними ужасами», сохраняли спокойствие духа, свойственное кабинетному академизму, были тихими специалистами культурного служения, т.е. имели психологию культурных

обывателей в нейтральном, неодиозном, добром смысле этого слова. Они любили покой, шокировались моветонностью оппозиционной общественности, дружили с коронованными меценатами, искренно разделяя либеральное мировоззрение, но не потрясаясь уродливостями противоречившей ему действительности. Чувствительный, иногда до гипертрофии, общественный морализм и ригоризм, выбивавший людей из тихой колеи специальности в бурный поток оппозиции и революции, был им незнаком. Навалилась на Россию другая, зловонная власть, но власть, поставившая всех на место еще более крепко, чем прежде. Либерально просвещенный разум видит все ужасы этой власти не хуже нас. Но сердце, как и прежде, не бьется паче меры, тем более не разрывается на части. Пафос гнева ему чужд, как и прежде. Спокойный и расчетливый рассудок, как и встарь, изыскивает крупинцы добра и возможные пути эволюции к лучшему будущему. Революционные разрывы с данной действительностью просто чужды его природе. Ни сознавать, ни действовать он так не умеет. Это в сущности — сама чистой воды обывательщина. И ей туда же дорога с беспомощной негероической массой...

Есть еще один из истоков соглашательства в молодом академическом поколении. Тон делает музыку. Когда вы слушаете сравнительно безболезненные суждения молодых пророков о советской власти, вы ясно чувствуете, что личность этого поколения пронизана струями модернизма, того модернизма, который вымыл из неё терпкую, моральную соль старого позитивного поколения. Радиоактивное ницшеанство эпохи опреснило эти души некоторой дозой потусторонности» в отношении к добру и злу. Сначала перед нами промелькнул благородный лик академизма, а затем, в тяжкую годину искушения, обернулся бессовестным ликом к добру и злу постыдно равнодушной, пассивной, близорукой и жалкой обывательщины.

